

¹² Ibid. S. 287–288.

¹³ Brandt J., Schnack A. 80 moderne danske digtere. København, 1988. S. 160.

I.P. Kuprijanova

S.A. Madsens roman "Tugt og utugt i mellemtiden"

Svend Åge Madsens forfatterskab indtager en vigtig plads i Danmarks nutidige litteratur. Hans romaner, noveller og skuespil har indbragt ham kritikkers og læsernes høje anerkendelse samt flere litterære priser. Madsens hidtil største og betydeligste roman "Tugt og utugt i mellemtiden" (1976) har flere træk som tillader at karakterisere den som et postmodernistisk værk. Forfatteren kombinerer her flere velkendte subjekter og litterære former for ligesom at begrunde sin ironiske påstand: "Man kan skrive bøger sådan – som – man – skriver bøger".

Б.С. Жаров

ПОДВОДНЫЕ ЛЮДИ И ПОДВОДНЫЕ ДУХИ

(Скандинавско-русские параллели)¹

Богатая фантазия народов всего мира, в том числе Северных стран и России, создала галерею образов сверхъестественных существ, таких как тролли, гномы, эльфы, сильфиды, вилисы, русалки, водяные, кикиморы, домовые, овииники, банники, лешие, бесы, ведьмы, бабы-яги и т.п., составлявшие в совокупности своего рода виртуальный мир древности.

Народные традиции были широко использованы в разных жанрах художественной литературы различных эпох и направлений, достаточно вспомнить Андерсена и Ибсена в Скандинавии или Пушкина и Гоголя в России, а также в музыке, театре, изобразительном искусстве. Литература и искусство не только взяли готовые фольклорные персонажи, но и создали целый ряд других, в чем-то новых, но в чем-то и старых, т.е. человекоподобных, обладающих особыми волшебными свойствами, таких как Карлсон, который живет на крыше, созданный шведской писательницей Астрид Линдгрен, галерея муми-троллей – героев финляндского шведскоязычного автора Туве Янссон и знаменитые герои Булгакова или же Чебурашка, сочиненный нашим современником Эдуардом Успенским.

Просвещенные жители Земли конца XX в. не слишком часто встречаются в обыденной жизни с этими удивительными персонажами, чем отличаются от людей предыдущих столетий. Но если учитывать миро-

вую литературу и цивилизацию в целом, то придется признать, что все они вместе взятые есть очень важный элемент культуры человечества. В таком более глубоком смысле данные персонажи для современных людей вполне реальны и во всяком случае не менее реальны, чем Дон Кихот, или Гамлет, или Наташа Ростова.

Человека древности со всех сторон окружали сверхъестественные существа, которые во многом были похожи на него и в то же время всегда чем-то отличались. Неожиданные для человека той поры события, непредсказанные и зачастую в принципе непредсказуемые радости и в особенности огорчения требовали объяснения. Ответственность за все непонятное и неожиданное была возложена человеком на сверхъестественные существа. Мир человека средневековья был густо населен такого рода существами, которые непрерывно действовали и совершали какие-то приятные или – пожалуй, чаще – неприятные для человека поступки. Эти существа, можно сказать, кишмя кишели вокруг человека, попадались ему на каждом шагу.

Жители Скандинавии в древности не только знали, что есть тролли, они видели троллей весьма часто и при желании легко могли их описать. В разных жанрах древнескандинавской литературы отразились многие мифологические представления скандинавов. Для дальнейшего изложения используется наиболее показательный – средневековые скандинавские баллады. Они были записаны довольно поздно, но по происхождению все ведут отсчет от XII-XIII вв.²

Итак, как выглядит тролль? Вот описание, данное очевидцами: «Аре зовется главный тролль, / И одолеть его трудно: / Он забирает в гору к себе / И моряков, и судно. / Глаза его, как костры, горят / И в жаркий день, и в стужу, / А когти, словно рога у козла, / На локоть торчат наружу – / Его борода висит до колен, / Как будто конская грива, / А сзади свисает у Аре хвост, / Мохнатый и длинный на диво» («Святой Олав и тролли», с. 31).³ К троллю можно было обратиться: «Уйми свою речь, уродливый тролль, / Ты будешь камень угрюмый. / Останься в горе до судного дня, / А людям вредить и не думай!» (с. 33).

На жизненном пути человека могли встретиться эльфы: «Улов к заутрене спешит, / Невидимый свет впереди горит. / По склону едет он вперед / И видит эльфов хоровод. / Эльфы лесные танцуют в ряд, / Волосы падают до пят. / Принцесса эльфов машет рукой: / «Улов, иди танцевать со мной!»» («Улов и эльфы», с. 80).

В подобных встречах для жителя той поры не было ничего необычного. Из гор или из леса, т.е. из труднодоступных мест выходили уди-

вительные существа – если говорить о той стихии, которая окружала скандинавов со стороны земли.

А как насчет моря? Естественно, скандинавы были уверены, что там живут не только рыбы. Там живут «водяные» и «русалки» – для сопоставительного рассмотрения подводных жителей в представлении скандинавов и восточных славян приходится использовать эти традиционные русские термины. «Агнете шла через мост, над волной / Со дна поднялся водяной. / «Агнете, ты приглянулась мне, / Хочешь жить у меня на дне?» / «Если возьмешь меня на дно, / Значит, с тобой мне жить суждено». / Он закрывает ей уши и рот, / К себе на дно ее берет. / Восемь лет она с ним жила / И семерых сыновей родила» («Агнете и водяной», с. 92).

Далее по ходу действия становится ясным, что человек, женщина по имени Агнете, сумела прожить под водой целых 8 лет и, судя по всему, вполне полноценной жизнью: она играла на арфе, носила красивые туфли. При этом, что важно отметить, она сама ни в коей мере не превратилась в то, что можно назвать «водяная» или «русалка».

Через 8 лет муж – водяной – разрешил ей ненадолго покинуть морское дно, чтобы повидаться с родными. Но, выйдя на берег, коварная супруга не вернулась к мужу и детям (как позже выяснилось, просьба о свидании с родными была не более, чем хитрой уловкой). Муж в панике выходит из моря и, оставляя мокрые следы (!) на суше, приходит к ней. Он очень просит вернуться: «Агнете, ты задержалась тут, / Дома дети плачут и ждут. ... Дома дети весь день не ели, / И вспомни о том, кто лежит в колыбели» (с. 94). Но земная женщина Агнете неумолима, она остается на земле.

Кроме водяных, в море водились русалки, надо понимать так, что в море были подводные жители не только мужского, но и женского пола: «Король велел русалку поймать / И в тяжкие цепи ее заковать» («Предсказание русалки», с. 97).

При подробном рассмотрении этих баллад и других аналогичных источников можно сделать вывод, что, в представлении скандинавов средневековья, кроме жителей земли, существовали – совершенно на таких же правах – жители подводного царства: морские мужчины и морские женщины, если с детьми, значит, с процессами рождения и смерти и со всеми прочими неизбежными атрибутами обычного земного существования. Между обитателями двух стихий был вполне возможен и даже обычен контакт. Так, например, водяной, прежде чем сделать официальное предложение руки и сердца Агнете, судя по повествованию, должен был какое-то, возможно длительное, время присматриваться к ней, так ска-

зять, подглядывать из воды: «Агнете, ты приглянулась мне, / Хочешь жить у меня на дне?» (с. 92).

Преодоление границы двух стихий не составляло трудности. По дороге с суши в море: «Он закрывает ей уши и рот, / К себе на дно ее берет» (с. 92). И позже при передвижении в обратном направлении: «Уши и рот он ей закрыл, / Вынес на землю, а сам уплыл» (с. 93). Эта очаровательная маленькая деталь говорит об осознании разности двух стихий для человека. Но с пересечением сухопутно-морской границы все проблемы как-то сами собой кончаются, на дне или во всяком случае в глубине морских вод, по-видимому, дыхание для земного человека становится делом совершенно нормальным. О сложностях дыхания водяных на суше ничего не говорится.

Земная женщина могла позволить себе такую вольность, как брак с жителем водного царства (вероятно, на тех же правах, что и брак с иностранцем в наши дни) и даже при желании добиться последующего развода, конечно при соблюдении необходимых условий. В подобного рода «смешанных» браках появлялись вполне полноценные дети, а у Агнеты и водяного их было целых восемь (не уточняется, впрочем, были они полностью морскими или сухопутными существами или чем-то средним).

Все сказанное нарушает нынешнее представление о мифологических подводных, в данном случае морских жителях, в соответствии с которым это во многом ограниченные, рыбоподобные хвостатые существа (лучше всего общепринятое представление о русалках выразил один мальчик: «Русалка – это сверху тетя, снизу рыба»).

В представлении средневекового скандинава все не так. Морские жители – это самые обыкновенные люди, но люди, живущие в воде. Существование такой детали, как наличие кислорода, тогда не очень принималось во внимание. Подводные жители были мужчинами и женщинами: на скандинавских языках слова, называющие подводных существ (дат. havmand, havfrue и аналогичные в других языках), означают «морской мужчина» и «морская женщина». Нет никаких упоминаний о хвостах. Хвост – приобретение более позднего времени. Ханс Кристиан Андерсен всемирно прославил уже этот другой тип подводного существа.

Было бы странно, если бы нормальная подводная жизнь в мифологии не предусматривалась, когда море окружало жителей Скандинавии со всех сторон. Общение происходило через море очень легко, гораздо легче, чем через сушу. Издавна и очень длительное время в гористой Норвегии все перемещения людей совершались морем вдоль побережья, а не по горам, которые стояли неприступной стеной. Путешествие

через горы из западной Норвегии в восточную Швецию в средние века было чрезвычайно трудным и рискованным предприятием, в то время как путешествие по морю требовало, в сущности, только времени, которого у людей той поры было сколько угодно, да еще храбрости, а ее было не занимать.

Что касается России, то такой полностью параллельной подводной жизни в сознании жителей быть не могло, во всяком случае повсюду. В большинстве мест России были только реки, сравнительно небольшие озера и запруды у мельниц, и с водной стихией у них были другие отношения, чем у скандинавов. Правда, в некоторых местах представление о подводном мире как о параллельном земному было не только возможным, но и совершенно нормальным. Вспомним новгородского купца Садко, который побывал в морском царстве на дне озера Ильмень – чуть ли не единственного большого водного пространства на значительной территории. Поскольку общение варягов и новгородцев – совершенно очевидный, исторически доказанный факт, возможно предположить влияние скандинавских воззрений на создание такого повествования и образа и говорить о соединении в былинах о Садко скандинавской и русской мифологической традиции.

Что такое русалка в русской традиции? Казалось бы, ответ очевиден. Любой русский школьник знает наизусть строчку из стихотворения Пушкина: «Русалка на ветвях сидит». Все читатели видели множество картинок, где дева с длинными волосами сидит на ветке дерева, свесив рыбий хвост. Между тем это представление – чистое недоразумение. У этой русалки на ветвях нет и не может быть хвоста, как его нет у широко известных аналогичных персонажей в произведениях Пушкина «Русалка» и Гоголя «Майская ночь, или Утопленница».

Русалки в русской фольклорной традиции – вовсе не водяные жители или, во всяком случае, не только водяные жители. «В отличие от европейской русалки, у восточнославянской русалки нет рыбьего хвоста. Живет она не только в воде – поверья северной, центральной и юго-западной России знают лесных русалок, качающихся на раскидистых деревьях и бегающих по полям. <...> В русалок, по народному мнению, обращаются обыкновенно души утопленниц, а также души детей, умерших некрещеными. Русалки по ночам выходят из рек и расчесывают свои длинные зеленые волосы, с которых струится вода <...> Во многих местах думают, что русалки – это дети, обмененные в то время, когда роженицу оставляют одну в бане и она лежит без креста, а ребенок подле нее спит некрещеным».⁴

Русалка в русской традиции – всегда и исключительно женщина, существование мужчин в таком качестве не предусмотрено. Но главное отличие даже не в этом, а в том, что ни о какой полноценной жизни, тем более семейной, которая есть у скандинавских средневековых русалок, речи быть не может. Это совершенно другое существо, не подводный человек, а подводный дух.

Водяной же в представлении русских людей – всегда только мужского пола, водяной дух, который живет в воде, как леший – в лесу, а домовый – в доме (с многочисленными вариациями: овинник – в овине, банник – в бане и т.д.). «[Водяной] живет в воде, откуда он выходит редко; его любимым местом являются речные омуты, да притом близ водяных мельниц. Водяному приписывают то же значение, что и домовому, чему служит доказательством пословица «дедушка водяной, начальник над водой». Ему также приписывают власть над русалками <...> Водяной, в противоположность домовому, отличается крайним недоброжелательством к людям и в высшей степени злобным характером. Часто топил людей, которые купаются в реке до восхода солнца, после заката и, наконец, в самый полдень».⁵ Характеристику славянского водяного можно продолжить, но ясно, что это – персонаж, не имеющий ничего общего с изящным, почти аристократическим (вспомните арфу) поклонником Агнете.

Использование в русских переводах скандинавских баллад слов *водяной* и *русалка* неизбежно, но вряд ли помогает создать у читателя «правильное представление о персонаже. Есть пример, показывающий подобное расхождение восприятия совершенно наглядно. В книге датского писателя Ханса Шерфига «Загубленная весна» (*Det forsømte Forår*, 1940) есть персонаж – учитель, прозванный детьми Водяным (*Havmand*). Книга была переведена на русский язык, и художник Г. Калиновский изобразил данного учителя, приблизив его портрет к образу «дремучего» фольклорного российского водяного со всеми неизбежными атрибутами.⁶

При создании человекоподобных сверхъестественных существ средневековый скандинав активно включил морскую среду в мир мифологических представлений и тем самым отразил свое представление не только о самом себе, но и об окружающем его мире.

Примечания

¹ Доклад прочитан на международной научной конференции «От троллей до мумитроллей: (Сверхъестественные существа в фольклоре, литературе и искусстве Северных

стран и России)», организованной кафедрой скандинавской филологии С.-Петерб. гос. ун-та в мае 1997 года.

² См.: *Стеблин-Каменский М.И.* Баллада в Скандинавии // *Скандинавская баллада*. Л., 1978. С. 244–268. – В статье даны основные сведения по истории этого жанра.

³ Цитируемые баллады приводятся в русском стихотворном переводе И.М. Ивановского. В скобках указывается страница изд.: *Скандинавская баллада*. Л., 1978.

⁴ *Энциклопедия суеврий*. М., 1995. С. 391.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ *Шерфиг Х.* Загубленная весна. М., 1960. Рис. на с. 84.

Boris Zjarov

**Vandmennesker og vandånder
(Nordisk-russiske paraleller)**

Alle folkenes, bl.a. Nordiske landes og Ruslands, rige fantasi skabte et galleri af overnaturlige væsener, sådanne som trolde, nisser, alfer, havfruer, nøkker, vætter, skovtrolde og lign. Folketraditioner har været benyttet meget i litteraturens forskellige genrer, samt i musik, teater, den bildende kunst, som ikke bare tog disse skikkelser, men også skabte en række helt nye. En del af disse væsener, dem, som har deres liv i havet, søer og lign, optræder i nordisk og russisk mytologi. Artiklen sammenligner den nordiske og den russiske opfattelse af dem.

Б.С. Жаров

**АСТРИД ЛИНДГРЕН
И ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ¹**

Богатая фантазия шведской волшебницы слова создала множество ярких персонажей, любимых читателями всех стран. Астрид Линдгрэн – современный скандинавский детский писатель. Совершенно естественно рассмотрение ее творчества в контексте литературы XX в. и в контексте детской литературы всех времен и народов. Но хотелось бы обратить внимание на принадлежность Линдгрэн к литературе скандинавских стран и попробовать отметить связь некоторых ее персонажей и других особенностей ее книг с явлениями этой литературы, в первую очередь древней.

Линдгрэн – писатель XX в. и древняя литература? Вероятно, постановка вопроса покажется кому-то неожиданной и спорной. Между тем влияние должно было иметь место, в частности влияние самого древнего